

М.Ф. ЧЕРНЫШ

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ПЕРЕХОДНОМ ОБЩЕСТВЕ

Обычной практикой для российских социологов, исследующих отношения неравенства, стало использование стратификационного анализа, позволяющего диагностировать масштабы социальной дифференциации в измерении дохода. Однако стратификационный анализ не содержит в себе концептуального аппарата, позволяющего анализировать динамичные формы экономического и политического неравенства, свойственные обществам, находящимся в фазе перехода к рынку. Экспериментальные концепции, представляющие российское общество как «феодалное» или «сословное» также не имеют герменевтической предыстории и подтверждения в результатах эмпирических исследований. Кризис методологии заставил социологов, изучающих неравенство, вернуться к марксистскому наследству и, в частности, к стратегии классового анализа. В статье представлен классовый подход, предложенный К. Марксом в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Доказывается, что концептуальный аппарат, характеризующий французское общество в нестабильной фазе его развития, может быть использован для анализа неравенства в классовых переходных обществах.

Ключевые слова: социальная стратификация, классовый анализ, социальные интересы, неравенство, социальная парадигма.

Общественные науки движутся по нелинейным маршрутам. Какие-то идеи отвергаются, объявляются несостоятельными или даже вредными, но в дальнейшем возвращаются в научный оборот, обогащенные критикой и новыми языковыми средствами описания социальной реальности. Социальные теории не существуют, как полагают некоторые, лишь как продукт консенсуса между учеными определенного направления. Сам этот консенсус возможен лишь в том случае, если социальная теория обладает свойством правдоподобия, качеством быть «совокупностью хороших убеждений», вносящих порядок в представления о текущем состоянии общества. Однако общество — это эволюционирующая реальность, его облик, структурная конфигурация постоянно изменяются.

Черныш Михаил Федорович — доктор социологических наук, ведущий сектором социальной мобильности Института социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. Телефон: 8 (499) 125-00-60. Электронная почта: mfche@yandex.ru

Именно поэтому невозможна какая-то одна универсальная теория, объясняющая все его возможные состояния. Возобладавшая в какой-то момент концепция устаревает, а на ее место приходит другая, более адекватная и, соответственно, более надежная. Именно это произошло с марксистской схемой. В какое-то время она казалась безвозвратно архаичной, но вот пришел момент, когда наша страна, наконец, определилась в капиталистической фазе развития и оказалось, что именно современный классовый анализ наиболее точно характеризует действительное состояние общества. В этом новом качестве марксистская схема уже никогда не сможет претендовать на роль «единственно верного учения», но на сегодняшний день именно она предлагает наиболее точный язык описания. Будет ли она пригодна в будущем, зависит не только и не столько от нее, сколько от того, каким будет само общество.

От Маркса к Парсонсу

Есть все основания полагать, что понятие «класс» переживает в российских общественных науках второе рождение. В начальный период реформ говорить о классах в российском обществе считалось едва ли не дурным тоном. В анализ социальных различий активно внедрялись новые концепции, характеризующие социальные различия, — социальная стратификация, социальные лифты, стили жизни. На фоне новых для России концепций деление на классы казалось пройденным этапом, глубокой архаикой, соотносимой, разве что, с наиболее жестокими страницами пока еще недавней советской истории. Современное состояние, к которому, как тогда казалось, быстрыми темпами продвигалось российское общество, предполагало преодоление классовых перегородок, победу социальной мобильности над социальной статикой, замену устаревшего языка описания социальных различий на новый, более подходящий для все более дифференцирующейся действительности. Канула в прошлое так называемая «трехчленка», имевшая силу самосбывающейся реальности. В стране развитого социализма рабочее или крестьянское происхождение давало реальные социальные преимущества — привилегии при поступлении в вуз, вступлении в правящую партию, назначении на руководящие позиции. Отнесение к группе, именованной «интеллигенцией», влекло за собой ограничения социальной мобильности, хотя и преодолимые для тех, кто упорно добивался своей цели. Отказ от «трехчленки» приветствовался обществоведами не только потому, что она строилась на ложных основаниях, но и в значительной степени потому, что

этот шаг давал преимущества образованному классу, открывал для него расширенные возможности социальной мобильности.

Язык, который использовался в теории социальной стратификации, рассматривался как однозначно более адекватный рыночной современности. Применение концепций социальной стратификации открывало, кроме того, широкие возможности для анализа различных форм социального неравенства — экономического, статусного, политического. Увлекающиеся стратификационным моделированием российские обществоведы либо не обратили внимание на факт укорененности стратификационного анализа в концепции структурно-функционального анализа, либо посчитали этот факт второстепенным. Именно в структурном функционализме стратификация обрела теоретические основания — принцип социальной значимости. Суть этого принципа изложили в своей статье последователи Т. Парсонса К. Дэвис и Р. Мур [13]. С их точки зрения социальная система обладает встроенным интеллектом, позволяющим ей ранжировать индивидов по степени их полезности для целей ее выживания и развития: «Как любой функционирующий механизм, общество должно распределять его членов по социальным позициям и заставлять выполнять обязанности, которые этими позициями налагаются. Общество должно обеспечивать мотивацию на двух различных уровнях. Оно должно внушать соответствующим индивидам желание занимать определенные позиции и желание выполнять те обязанности, которые данные позиции предполагают. Хотя социальный порядок относительно статичен по форме, существует постоянный процесс обмена, связанный с тем, что новые индивиды рождаются, продвигаются в старшие возрастные группы и умирают. Позиционная система должна каким-то образом упорядочить процесс и создать соответствующие мотивации» [13, р. 48.]. Отсюда вытекают различия в доходах и обладаниях другими ресурсами — престижем и насыщенностью досуга.

Интеллект системы принимает и обрабатывает сигналы, которые посылает ей внешняя среда. Если внешняя среда демонстрирует признаки агрессии, то система автоматически возвышает тех, кто может способствовать ее выживанию — военных, инженеров, ученых, работающих на оборону. Если же внешняя среда посылает сигналы, свидетельствующие об обострении технологической конкуренции, то система, соответственно, выдвигает на более высокие позиции дохода другие группы — ученых, инженеров, управленцев, занимающихся разработкой новых рыночных технологий. Встроенные в систему «радары» непрерывно сканируют разные

слои системы в поисках подходящих индивидов, ведь полноценная реализация задачи выживания может быть достигнута только в том случае, если каждую социальную позицию занимает тот, кто способен наилучшим образом выполнять соответствующие функции. Под «радарам» адепты структурного функционализма понимали систему образования, которая выявляет таланты и способствует их возвышению. Отказ от немедленного трудоустройства в пользу обучения в вузе рассматривался ими как жертва, которую система впоследствии компенсирует более высокой оплатой труда.

Функциональная модель «ранжирования» согласно уровню социальной значимости стала предметом ожесточенной критики, которую возглавили, вполне предсказуемо, социологи-марксисты. Во-первых, неясным, туманным является само понятие социальной значимости. Можно ли всерьез верить в то, что любой управленец более значим, чем квалифицированный рабочий или талантливый инженер? Между тем, как показывают исследования, в российском обществе уровень доходов управленцев среднего и высшего звена, существенно выше, чем у любой из упомянутых групп.

Не помогает в этом случае и предложение Дэвиса и Мура считать таланты, необходимые для заполнения позиций с высоким доходом, более редкими, чем, способности, необходимые для менее ответственной работы. В современном, как и любом другом обществе, талант — это продукт профессиональной среды. Сама эта среда является социальным явлением и склонна, как убедительно доказал Т. Кун, к тому, чтобы воспроизводить утвердившиеся в прошлом парадигмы [3]. Нередко профессиональное сообщество выступает как проводник чужой по отношению к нему воли и, подчиняясь ей, стремится законсервировать ту область знаний, которая находится под его контролем. Наиболее ярко эта особенность проявилась в советской науке, где гонениям и запретам подвергались наиболее современные и уже получившие подтверждение за рубежом биологические теории. Возникает закономерный вопрос: в какой степени советская профессиональная среда была готова признать «талантливыми» тех, кто выдвигал «крамольные», по мнению ее лидеров, научные идеи? Как показывает современные практики воспроизводства, нечастое появление талантов, а тем более гениев, связано с особенностями самой системы стратификации, функционированием социальных институтов, ориентированных на социальное воспроизводство, а также качеством профессиональных сред, осуществляющих социальную селекцию. Подтверждением этого являются, к примеру, современный процесс

подготовки руководителей. Он поставлен на поток не только в развитых странах, но и России, где доля управленцев в общей массе выпускников вузов составляет примерно 26%¹. Эта доля существенно больше доли выпускников российских вузов, имеющих, к примеру, медицинские специальности (2%), но при этом разрыв между заработной платой управленцев и врачей сохраняется.

Не более убедительной предстает точка зрения, согласно которой те, кто богаче, более значимы для общества, чем те, кто беднее. Дэвис и Мур обосновывают разрыв в уровне доходов тем, что распоряжение деньгами — это ответственное дело, требующее квалификации, интуиции и способности к риску. Все эти качества должны, полагают они, системой вознаграждаться, что и происходит в странах с рыночной экономикой. Данная аргументация вступает в противоречие с реалиями современной экономики, в которой большинство обладателей крупных состояний поручают распоряжение своими капиталами специалистам рынка. Фигура капиталиста, самостоятельно решающего, как ему распорядиться деньгами, давно ушла в прошлое, а область инвестирования все чаще выбирается по подсказке специальных компьютерных программ, способных обработать огромные массивы рыночной информации.

Есть ли «воля к жизни» у социальной системы?

Серьезные сомнения вызывала сама идея «воли к выживанию», побуждающей социальную систему к совершенствованию работающих в ней подсистем. Шаткие утверждения о наличии политической или экономической воли, отдельных от интересов правящего класса, опровергаются не только историческими фактами, но и современными реалиями. Можно ли всерьез утверждать, что высокий уровень коррупции, свойственный некоторым правящим режимам, объясняется стремлением социальных систем к выживанию? Утверждая наличие системной «воли к жизни», необходимо показать, где, в каких слоях населения или областях общественного сознания эта воля бытует. В противном случае тезис о системной воле становится в один ряд с гегелевской метафизикой «абсолютного духа», раскрываемого как содержание любых общественно значимых деяний. Зыбкость теоретических оснований стратификационной теории сделала проблемным ее раскрытие на более

¹ См. на сайте Федеральной службы государственной статистики РФ данные за 2011 год: «Численность студентов государственных высших учебных заведений по группам специальностей и направлениям подготовки (на начало учебного года; тысяч человек)» (http://www.gks.ru/bgd/regl/b03_33/IssWWW.exe/Stg/d020/i020250r.htm).

низких, согласованных с общественными реалиями уровнях анализа. Руководствуясь теорией социальной значимости, нельзя было, например, объяснить, как в России в процессе транзита от социализма к капитализму происходила передача наиболее выгодных государственных активов небольшой группе лиц, приближенных к власти. Этот процесс подробно исследован политологами и экономистами, и нигде в подобных исследованиях понятия «талант» и «способность» не используются в инструментальном, объяснительном смысле. Гораздо чаще здесь фигурируют понятия «интересы», «социальные сети», «капитализм старых друзей».

Общесистемные подходы к изучению неравенства подверглись критике не только со стороны социологов-марксистов (см.: Tumin M. Some principles of stratification: A critical analysis [20]), но и со стороны теоретиков феноменологической школы. Некоторые из неудобных вопросов ставил перед Т. Парсонсом А. Шюц в личной переписке, которая опубликована: «... концепция “нормативной ценности действия” остается для меня достаточно загадочной. Профессор Парсонс нацеливается на то, чтобы ограничить это понятие субъективной точкой зрения. Нормативная ценность, с одной стороны, является паттерном действия, который актер держит в голове как “желательный для реализации своего будущего действия”. В подобной трактовке это, как утверждает Парсонс, фактор выбора в диапазоне тех средств, которые находятся под его [актора] контролем, а также интегративный элемент по отношению к возможным целям совершаемых им действий. Однако эти цели формулируются не случайным образом, а внутри системы, центр которой есть высшая ценность, обозначенная нормой. Актор действует, подчиняясь гетерономному приказу, который дан ему другими людьми, законом, Богом, принципами искусства, социальными привычками, вкусовыми предпочтениями. Этот приказ дан ему теми, кто находится за пределами его власти. Это именно та ситуация, в которой актер сталкивается с телеологической дилеммой. Даже в тех пределах, которые ограничивают его свободное действие, каждая реализуемая цель и каждое примененное средство имеют как желательные, так и нежелательные последствия. Актор всегда стоит перед выбором — продолжать проект или отказаться от него, принять или отвергнуть те последствия, которые его сопровождают» [18].

По мнению Шюца, Парсонс и другие последователи «системной» теории постулировали общие принципы, которые, по сути, отрицали свободный выбор на базовом, личностном уровне принятия решений. В теории социального действия системно заявленные

факторы, среди которых находится и фактор «значимости», не оставляли акторам возможность действовать иначе, как подчиняясь заданным сверху нормативным порядкам. Между тем, акторы принимают решения ориентируясь на цели, которые формулируются системой в целом, на «условия, которые отделены от целей», а также набор средств достижения целей, находящихся в их распоряжении. Таким образом, доказывал Шюц, актер действует не как «человеческая машина» с вложенной в нее программой действий, а как субъект, способный при определенных обстоятельствах создавать реальность, отличную от системной. Если принять аргументы Шюца, то социальная значимость выглядит для рассматриваемого ее снизу актора как возможный ориентир, который можно принять, отвергнуть или пересмотреть наравне с собственным миропониманием.

Допустимость подобного исхода была очевидна Р. Мертону, который структурирующее действие рассматривал в динамике как преодоление состояния аномии [6; 7]. В его концепции актер получал в горизонте выбора не один, а несколько возможных вариантов действия — от полного конформизма до откровенного бунтарства, нацеленного на ослабление социальной системы. Стратификация, благодаря Мертону, обрела динамические характеристики, но при этом ослабленным оказывался сам принцип социальной значимости: выяснялось, что значимость на уровне системы может существовать только в том случае, если имеет свой инвариант на уровне индивидуальной мотивации.

Индивидуальное неприятие системных приоритетов, если оно становится социальной регулярностью, может изменить господствующие ценности или, как убедительно продемонстрировал в своих работах Ш. Айзенштадт, привести к коллапсу социальной системы и подпирающей ее иерархии [14]. Он увязал стратификацию не столько с необходимостью выстраивать иерархию системной значимости, сколько с потребностью в социальном порядке, выраженном в организации и свойственной ей ролевой структуре. Переход от хаоса к социальному порядку может быть понят как процесс упорядочивания социальных позиций относительно друг друга посредством распределения ролевых функций. В дальнейшем система усложняется, дифференцируется, но оказывается эффективной, лишь пока существующий социальный порядок устраивает актора, пока репертуар вариантов действия рассматривается им как соответствующий промежуточным и конечным целям, которые он перед собой ставит.

Социальная теория и ее “goodness-of-fit”

В полемике вокруг стратификационной модели и свойственной ей «авторитарной логики» рассмотрения социального действия в центре внимания оказывается ключевой вопрос о соответствии выбираемой исследователем парадигмы тому состоянию, в котором находится общество. Социальные науки, точно так же, как и естественные, с момента своего зарождения тяготеют к универсальности используемых парадигм. Структурно-функциональный анализ, к примеру, полагает любое общество системой, стремящейся к интеграции, а социальные институты — атрибутом любого социального порядка. Классовый анализ, напротив, постулирует, что любое общество делится на классы, что в настоящее время, как и в прошлом, классы и классовый конфликт сообщают обществу энергию изменения, а задача исследователя, разгадывающего тайны современности, состоит только в том, чтобы правильно определить участников конфликта. Аналогичным образом конструктивистская парадигма готова представить любой социальный институт продуктом сознательной intersubъективной деятельности, при этом в последнее время все чаще подобная деятельность трактуется как достижение смыслового согласия вокруг некоторых ключевых понятий жизни. Между тем очевидно, что каждая из названных парадигм появлялась не случайно, не как один лишь итог герменевтической критики классических текстов, а как язык описания текущего состояния, в котором находилось изучаемое общество.

Сравнивая между собой протестные движения в США и Европе, Ш. Айзенштадт пришел к выводу о фундаментальных цивилизационных различиях между ними: американские протестные движения второй половины XX века рассматривали США как сбывшуюся утопию, а любые изъяны социального порядка — как нарушение тех базовых принципов, на которых она изначально строилась [14]. Вплоть до конца 1960-х годов, до вторжения во Вьетнам, в США не только среди социологов, но и в общественном сознании господствовали ориентации на общественную интеграцию. Политические протесты, хотя и не выходили за рамки признания существующего социального порядка легитимным, рассматривались властями и значительной частью общества как нарушение естественного порядка. Одно из наиболее массовых движений — движение за эмансипацию чернокожего населения — устами его лидера Мартина Лютера Кинга призывало власти США «обналичить чек свободы», которую выдали гражданам страны ее отцы-основатели. После того, как власти стали более энергично

боротся с дискриминацией чернокожих в южных штатах (события в Литл Роке в 1957 г.), а также после смерти лидера, движение пошло на спад. Для американского общества теория структурного функционализма была естественной проекцией в академическое измерение тех массовых представлений и достижений, которые характеризовали в этот период американское общество. В нем присутствовала идея эмансипации, она стояла в повестке дня масштабных исследований, подобных тому, которое, к примеру, провел Джеймс Коулмэн [11]. В исследовании предполагалось определить причины отставания американской системы образования от образования в СССР с тем, чтобы сделать ее более эффективной, конкурентоспособной.

Европейские протестные движения, напротив, рассматривали современные им общества как фундаментально несовершенные, пораженные классовыми и другими социальными конфликтами. В большинстве случаев европейский протест полагал в будущем утопический идеал, достигнуть которого можно было лишь посредством радикального преобразования существующего социального порядка. В европейских обществах, переживших эпоху тоталитарных режимов, понесших огромные людские и материальные потери в ходе двух мировых войн, на повестке дня стояли вопросы преодоления тяжелого наследия первой половины XX века, рефлексия по поводу причин, превративших этот век в череду катастроф. Не случайно европейские исследователи в поисках объяснительных стратегий продолжали обращаться к идеям К. Маркса, искавшего причины социальных конфликтов в экономических и политических противоречиях современного общества. Его феноменология прочно увязывалась с неравенством и отчуждением, подавлением социальных движений и идеологической гегемонией правящего класса. По мере того, как отстраивалась послевоенная Европа, находили решение социальные противоречия, которые ранее объявлялись непреодолимыми, в европейской социологии социальная критика все чаще превращалась в общую критику культуры. На первый взгляд подобный поворот во взглядах мог показаться отказом от марксистской традиции. В работе Т. Адорно и М. Хоркхаймера «Диалектика просвещения», написанной в 1944 году, но вышедшей из печати в 1960-ом, делался вывод о том, что марксистские прогнозы социальной революции оказались далеки от реальности [8]. Усилившееся государство сумело снять фундаментальное противоречие между производительными силами и производственными отношениями, лишив общество самой

возможности искать решения проблем на путях радикальных социальных преобразований. Для того чтобы понять, что представляет собой современное общество, необходимо, полагали Хоркхаймер и Адорно, обратиться к господствующему мифу, понять те методы, посредством которых сконструированная мифология удерживает под идеологическим контролем широкие массы населения. От идеи мифа, как «ложного распознавания» оставался всего один шаг до идеи символической политической экономии Ж. Бодрийяра, а далее — идеи деконструкции как одной из важных стратегий социальной критики.

Представления о социальной структуре изменялись по мере того, как изменялось общество; классом, обладавшим способностью к различению и деконструкции, объявлялись интеллектуалы, которые должны были в новой ситуации играть роль, в классической марксистской доктрине отводившуюся пролетариату. Новая европейская социология, отказываясь от догматики марксизма, опровергнутой историей, оставалась верна критическому духу марксистской теории, ориентации европейских обществ на ценности равенства.

Справедливости ради следует сказать, что со временем дистанция между европейской и американской школами сокращалась, в моду вошло взаимное узнавание и признание². Эти процессы обуславливались тем, что меняющаяся социальная реальность побуждала американских социологов быть более критичными, а европейских — модерировать социальную критику признанием очевидных достижений построенного в европейских странах социального государства.

² Сближение происходило по мере того, как видные американские социологи брали на себя организацию переводов и издания в США европейских классиков. Ч. Миллз и Т. Парсонс публиковали переводы М. Вебера. В 1980-ые переводились и публиковались переводы М. Фуко, П. Бурдьё, Р. Будона. В предисловии к изданию монографии, посвященной социологии П. Бурдьё, С. Сюзен и Б. Тернер пишут: «Французские социологи создали богатую традицию, но были изолированы от остального мира. В эпистемологическом смысле они были часто скептически или даже враждебно настроены по отношению к англосаксонской социологической традиции. Прошло время, прежде чем американцы признали ценность французских социологических изысканий, например, важность таких работ, как “Феномен бюрократии” Крозье или “Наследники” Бурдьё и Пассерона» [19, p. 17].

Языки описания и уровни социологической теории

Полемизируя о современности, теоретическая социология обнаруживала два взаимосвязанных качества — способность создавать языки описания для текущих состояний исследуемого общества, с одной стороны, и стремление превращать эти описания в универсальную парадигму социального анализа — с другой. А.Г. Здравомыслов отождествлял первое из этих качеств со способностью социологии — науки, привязанной к изучаемому обществу и его главным смыслам, — создавать национальные школы [2]. Представление о социологии как совокупности национальных школ обходит стороной вопрос о том, как возможно существование в общественных науках наднационального теоретического уровня, набора парадигм, успешно используемого в целях анализа социологами разных стран и разных обществ. Второе качество современной теоретической социологии заключалось в том, чтобы представить частное в терминах всеобщего, перенести открытия, сделанные на национальной почве, в общий фрейм теоретического анализа. Случалось, что при универсализации, составляющей существо этого процесса, размывалась граница между тем, что выходило за рамки социальной конъюнктуры, и тем, что было характерно только для конкретной социокультурной общности в определенный период ее жизни.

Развести эти элементы социальной теории действительно не просто в условиях, когда изменяется не только какое-то одно, а совокупность обществ, связанных современными коммуникационными сетями. И все же это необходимо сделать для того, чтобы избежать «ложного распознавания» социальных явлений, ложного их представления в терминах, взятых из словаря, чуждого изучаемой социальной среде. Речь идет о пригодности теории — понятии, имеющем в прикладной статистике эквивалент, носящий название «goodness-of-fit» — объяснительный потенциал, вытекающий из применимости процедуры к наблюдаемым распределениям. Степень пригодности может варьироваться в широких пределах — от точного описания до описания неточного, страдающего болезнью «ложного распознавания». Но как определить, соответствует ли теория наблюдаемой реальности, как это сделать в условиях, когда само описание реальности ведется на разных языках, с разных позиций?

Одно из решений данной проблемы предложил американский неомарксист Э.О. Райт. Необходимо, полагал он, обеспечить согласование разных теоретических уровней — от самого высокого, парадигмального, до самого низкого, сводимого к операционализации

ключевых научных понятий, характеризующих неравенство [21, р. 8-14]. Первая из проблем, с которыми столкнулись, например, социологи-марксисты — это адекватное описание понятия «класс». Маркс, много написав о конфликтах классов, не оставил своим теоретическим наследникам более или менее надежного определения осевого для всей теории понятия.

Определение, которое попытался дать этому понятию В.И. Ленин, представляет собой, по сути, перечисление тех ситуаций, в которых обнаруживается неравенство. С точки зрения Ленина класс — это группа, возникающая как следствие сложившейся системы общественного производства, результат неравенства в том, что касается *собственности на средства производства* и, одновременно или по раздельности, результат неравенства, порождаемого *организацией труда*. Если в первом случае речь идет о социальной морфологии, вытекающей из организации производства и обмена (например о естественных различиях между городскими и сельскими работниками), то во втором случае подразумевается возникновение классов, имеющих разновекторные социальные интересы, а далее — возникновение современного производства, вытесняющего старые классы из сферы управления. Предполагается, что и «новые классы», рождаемые современным производством, могут вступать в конфликт по поводу действующей на предприятии системы распределения, заключенной в «способах получения и размерах той доли общественного богатства, которой они располагают» [4, с. 388]. Социальные группы, определяемые подобным образом, могут возникать на разных этапах исторического развития: самые ранние обязаны своим возникновением разделению труда; затем, по мысли ранних марксистов, возникли отношения собственности, а далее (после того, как производство стало крупномасштабным) — крупные организации и, соответственно, протяженная организационная иерархия. Необходимо учесть, что определение классов было дано Лениным уже после октябрьской революции, в тот период, когда он, по сути, перестал писать большие работы, а в статьях откликался, прежде всего, «на злобу дня». Для Ленина самым важным в формулировке было ее свойство делить население на «врагов» и «друзей» революции, обнаруживать структуру общества, нуждающуюся в радикальном преобразовании.

Э. Райт предполагает, что подобное расширительное определение чрезмерно, если речь идет не о политической целесообразности, а о социальной теории, ставящей целью максимально правдоподобно объяснить текущие события и долговременные тенденции.

Во-первых, полагает он, необходимо подвергнуть строгому анализу согласованность рассуждений самого высшего, парадигмального порядка с возможным их раскрытием в теориях среднего уровня. Для экспликации конфликта между пролетариатом и буржуазией необходимо убедиться в том, что пролетариат, так как он определяется в парадигмальном контексте, как минимум существует, а также выяснить, каков его реальный социальный состав. Во-вторых, важно выяснить в эмерджентном ключе, как заявляют о себе классы в пространстве общественной жизни, действительно ли они демонстрируют признаки обладания классовым сознанием и создают организации, призванные отстаивать их интересы в поле публичной политики. В-третьих, если на парадигмальном уровне заявлен классовый конфликт, необходимо выяснить, действительно ли классы между собой конфликтуют и в каких формах. Если классы имеют собственные отдельные интересы, а конфликта нет, то важно ответить на вопрос о том, почему он ненаблюдаем и каковы те причины, которые затрудняют его открытые проявления. Если же в результате процедуры согласования выясняется, что общая схема не адекватна задачам описания, она должна быть подвергнута серьезной ревизии. В противном случае общая схема, рассогласованная с тем социальным миром, в котором бытуют реальные социальные интересы, становится идеологической догмой, которой доверяют лишь те, кто видит в ней самосбывающуюся реальность, надеясь, что утверждение о наличии социального конфликта может быть само в короткой или длительной перспективе причиной нарастания социальных противоречий.

Одним из примеров рассогласованной схемы является утверждение В.Э. Шлепентоха о том, что современная Россия — это феодальное, сословное общество [17]. Свои утверждения он доказывает тем, что влияние федеральной власти на регионы ограничено, богатейшие люди — олигархи — находятся в смычке с властью предрержащими; идеология, навязываемая олигархами, противостоит либеральной или тоталитарной идеологии. Между тем, любые из названных аргументов могут быть с таким же успехом использованы как доказательство феодального устройства США, страны, в которой писалась обличительная книга. В США, как известно, влияние федеральной власти ограничено, разрыв между богатейшими людьми и остальным населением — один из самых внушительных в мире; богатейшие граждане США имеют немалое влияние на политическую власть, о чем красноречиво свидетельствовало ее поведение во время кризиса 2007–2009 гг.

Феодализм и сословность — здесь нужно согласиться с классиками социологии — это исторически развертываемая тотальность, охватывающая собой все сферы жизни общества. В ее основании находилась система ценностей, противная духу рынка и рыночных отношений, отрицающая идею равенства, освящающая аскриптивные, заданные от рождения статусы. Современность в любых ее формах отрицает идею сословности, она демонстрирует текучесть, которая, как показывает практика, несовместима с идеей господства незыблемых статусных характеристик. Было бы неправильно утверждать, что в современном обществе статусные характеристики не играют никакой роли, но говорить о том, что именно статус определяет сегодня в России масштабы неравенства, означало бы идти против фактов, очевидным образом свидетельствующих об обратном. Как правило, подобные утверждения имеют в основании дух критики господствующего в российском обществе порядка; критический посыл направлен против власти и тех тенденций общественной жизни, которые она поощряет. Однако надо понимать, что одно дело дух критики, справедливой в большинстве случаев, другое дело логика научного исследования, требующего обоснованных, укорененных в научном эксперименте данных, относящихся к изучаемому объекту.

Критический дух — такова его особенность — нуждается в инструментах, направленных на слом господствующих представлений. Он ориентирован против преобладающей в общественной мысли банальности суждений, которые укоренены, не менее чем сама критика, в традиционных представлениях. Как правило, традиционные оценки, умеренные в отличие от критических, получают поддержку в институтах, интегрирующих общество. В этой ситуации настоятельной необходимостью для критика становится выведение сообщества исследователей из состояния «теоретической дремы». Для этого недостаточно противопоставлять господствующей точке зрения новые данные, идущие вразрез с утвердившимися представлениями. Необходимо нечто большее, выходящее за рамки стандартной логики постановки научной задачи и нахождения ее решения.

Нередко критический посыл заставляет исследователя нарушать симметрию взаимоотношений между научной проблемой и экспериментальными данными, ее подтверждающими. В дело запускаются два инструмента, более пригодные для вненаучного, чем научного дискурса — парадокс и метафора. В подобных случаях данные, якобы подтверждающие парадоксальную идею, не

имеют свойства однозначности и крайне слабо с ней связаны. Именно в этом ключе следует рассматривать идею сословности или кастовости в современном российском обществе. Одно дело сказать, что в нем есть «каста неприкасаемых», то есть использовать образную метафору, свидетельствующую о несправедливости социального порядка. Другое дело утверждать, что российское общество — феодальное, сословное, приводя в подтверждение долю занятых в государственном секторе экономики или долю населения, работающую в правоохранительных органах.

Логика представления подтверждающих идею результатов явным образом нарушается еще и в тех случаях, когда упор делается на глобальных показателях. Можно, разумеется, судить о распространенности аномии по числу самоубийств, посчитав соотношение между численностью самоубийств и распространенностью аномии постоянной величиной. Очевидно, однако, что подобные выводы будут чаще базироваться на пресуппозициях интуитивного плана, разделяемых самим исследователем, чем установленных причинных связях. Доказательная стратегия диктует необходимость устанавливать регулярность взаимосвязей на уровне индивида, а не только в масштабах общества в целом. Тем не менее, необходимо признать, что парадоксальная критика академических подходов создает дополнительные стимулы для исследователей, заставляет их более внимательно отнестись к фундаментальным основам проводимого исследования.

От Парсонса к Марксу

Исследователи неравенства в России часто исходят из того, что преобразования начала 1990-х гг. имели объективную подоплеку — экономический кризис, ослабление влияния доминирующей идеологии, формирование в массовом сознании «массовых убеждений» (*сгоуансе populaire* — термин Раймона Будона), допускающих возможность трансформации социального порядка. Будон полагал, что существуют «хорошие» (*bon*) и «плохие» (*mauvais*) убеждения, различающиеся между собой степенью правдоподобия [10, р. 14]. Хорошие убеждения — это представления, собирающие в себе жизненный опыт, причем нередко это — опыт не одного, а нескольких поколений. В этом смысле можно говорить о том, что критика фазы, в которой оказался развитой социализм, состояла в основном из «хороших убеждений». Не только советская экономика, но и общество, его ценностные структуры находились в ослабленном состоянии. Однако сама по себе констатация кризиса не определяла и не могла определять вектора будущих преобразований.

Стратегия и тактика реформ вырабатывалась в узкой группе молодых политиков, пришедших к власти вскоре после того, как распался Советский Союз. В ней царило убеждение, что целью реформ должна стать рыночная капиталистическая экономика, а в социальном плане — классовое общество [1, с. 285–313].

Необходимо заметить, что к этому моменту концепт классового общества рассматривался в российских и зарубежных общественных науках как устаревший, характеризующий тип социального устройства, которое не только социалистическое, но и современное капиталистическое общество оставили в прошлом. Классы упоминались реформаторами не случайно: реформы ставили, прежде всего, политические цели, которые предполагалось решить наряду с другими и экономическими методами. Из курса марксистской политической экономии, обязательной к изучению в советских вузах, реформаторы вынесли убежденность в том, что искоренить развитой социализм способны не массы людей, митингующие на улицах и площадях российских городов против бедности и бюрократии, а правящий класс, состоящий из крупных собственников, кровно заинтересованных в сохранении своего контроля над экономикой. Рабочей гипотезой реформ была марксистская теория первоначального накопления: если в первом поколении собственностью овладевают авантюристы и элементы с криминальным прошлым, то в дальнейшем, благодаря невидимой руке рынка, активы переходят в руки эффективных собственников — детей приватизаторов, получивших элитное образование, знающих, как можно и нужно развивать экономику. Таким образом, классовое общество в России в пореформенное время не было спонтанным непредсказанным последствием реформ, оно являлось конструируемой реальностью, отстроенной — как это ни парадоксально — по марксистским лекалам.

Сложившаяся в российском обществе конфигурация классов и слоев отличается, тем не менее, от классической марксистской схемы в том виде, в котором она представлена в основополагающих трудах К. Маркса и, в частности «Коммунистическом манифесте». В этих работах Маркс характеризует каждую из общественно-экономических формаций как классовую, а борьбу классов определяет как ключевое противоречие и одновременно источник развития для общества. Э. Райт полагает, что самый высокий парадигмальный уровень классового анализа имеет для Маркса телеологическое значение: разрешение ключевого противоречия должно стать одновременно переходом к новой общественно-

экономической формации, лишенной противоречий. В XX веке телеология Маркса стала для социологов-неомарксистов, и не только для них, отправной точкой рассуждений о классовых и бесклассовых обществах. Классовыми стали считаться общества с высокой степенью концентрации активов, сильным классом собственников, подчиняющих себе государство и навязывающих остальному обществу собственный проект будущего страны. В категорию бесклассовых зачислялись не только общества с высоким развитием производительных сил и сильным социальным государством, но и общества докапиталистические, традиционные, в которых основным критерием, определявшим неравенство, был статус. Таким образом, классовость общества переставала быть его универсальной характеристикой, а превращалась в определенную фазу развития, в которой обществу, ориентированному на эмансипацию и преодоление отчуждения, противостоял эгоистический правящий класс, стремящийся к сохранению существующих порядков и созданной им системы распределения. Общая марксистская схема имела глобальный масштаб и ориентацию на постепенное созревание условий, в которых социалистическая революция станет возможной. Предполагалось, что процесс созревания мог занимать долгие годы, в течение которых пролетарские движения могли в какие-то моменты продвигаться вперед, а в другие — отступать под давлением превосходящих сил правящего класса. Возникла, таким образом, схема, в которой уровни анализа различались не только глубиной теоретических положений, но и временной перспективой.

Отбросив телеологию марксистского анализа, реформы оставили на службе своих идей марксистскую концепцию созревания. Капитализм в том виде, в котором он строился в России, полагался незрелым, молодым, но при этом, в отличие от последней фазы социализма, динамичным, активно продвигающимся к фазе зрелости, образцом для которой были развитые страны Европы и США. Дискурс «зрелости» или «незрелости» становился важной составляющей реализуемых реформ: в «зрелом» обществе правящий класс и его антиподы на нижних ступенях социальной лестницы избегают открытых конфликтов, способных расшатать основы социального мира; противоречия между классами сглаживаются эффективной работой социальных институтов, сохраняющих равную дистанцию как от класса имущих, так и класса наемных работников. В «незрелом» обществе, не прошедшем в полной мере фазу первоначального накопления, социальные институты слабы, неформальная составляющая социальных отношений превалирует

над формальной, а государство находится под полным контролем крупных собственников. В противопоставлении двух типов общества, различающихся уровнем зрелости, явным образом отсутствовала концептуализация того, как «незрелое» общество способно преодолеть свои слабости и перейти в фазу «зрелости» притом, что в этом «незрелом» обществе формируется сильный правящий класс, для которого переходное, нестабильное состояние является естественной средой обитания, а более «зрелый» вариант, характеризующийся развитыми институтами, опасен, поскольку ставит в определенные рамки сложившуюся систему распределения.

Расчет на то, что в подобном обществе процессы естественной эволюции могут изменить положение, возвращает к изначальным противоречиям не только марксистской, но и функциональной парадигмы — противоречиям между заявленным объективным характером некоторых из процессов, наблюдаемых в обществе, и степенью активности, субъектности тех, кто участвует в этих процессах и должен влиять на движение общества. Если развитие носит объективный характер, если нелинейные колебания общественных систем, в конечном итоге, «сглаживаются», схлопываются в поступательное развитие, то следует признать правоту Парсонса и ошибочность суждений Шюца о выборе индивида. Если же все-таки социальный микромир имеет значение и способен существенно влиять на общие тенденции, то в этом случае линейная траектория развития общественной системы может быть наблюдаема только на коротких исторических отрезках. Определяющим по отношению к ней будет не детерминация будущим, а заданность и неизменность прошлого, габитус, сформировавший доминанты сознания и регулярности поведения основных акторов системы, влияющих на ее состояние.

Марксистам, прежде чем они избавились от иллюзорных представлений о линейности развития социальных систем, пришлось пережить череду разочарований. Несбывшимися оказались мечты о мировой революции и наступлении коммунизма в развитых странах. Социализм, победивший в СССР, выродился в тоталитарную диктатуру, а модернизация общества по марксистским схемам привела к неисчислимым жертвам и, в заключительной фазе, к застою созданной им централизованной системы управления. Столкнувшись с невозможностью реализовать утопию, марксисты принялись искать объяснения неудач революции в области культуры. Именно в ней, а не изменившейся классовой структуре, отыскивались корни предрассудков, психоконструктов, побуждающих

граждан воспроизводить отношения неравенства, стремиться к обладанию собственностью, совершать преступления против таких же граждан социалистического государства, как они сами. Первые подобные попытки обнаружить устойчивые комплексы, затрудняющие построение социализма, предпринял Лев Троцкий, приглядывавшийся к психоанализу и его способностям до определенной степени изменять сознание³. Обычной практикой стало отнесение негативных явлений постреволюционного времени к так называемым «родимым пятнам» капитализма, непреодоленным в короткой перспективе.

Уже упоминавшиеся социологи Франкфуртской школы представили доминанту культуры как гегемонический проект правящего класса, реализующего свое господство посредством контроля над культурой и важнейшей ее частью — средствами массовой информации. Культурная рефлексия Франкфуртской школы стала частью наследия, которое она передала постмодернистскому направлению в социологии. Социологи-постмодернисты продолжили начатую первым поколением неомарксистов деконструкцию отношений господства в современном обществе, расколдование культуры, несущей в себе матрицы социального доминирования. При этом сама классовая культура современного общества оказалась на втором плане, культура обрела свойства быть системой *sui generis*, подчиняющей себе не только подчиненные, но и господствующие классы.

Не меньше разочарований поджидало сторонников «объективности» перехода от «общества незрелого» к «зрелому», устойчивому, демократичному. Как только выяснилось, что переход к «зрелому обществу» не осуществился в исторически короткие сроки, теоретики перехода стали говорить об ущербности русской культуры, якобы лишенной стимулов к продуктивной предпринимательской деятельности, равнодушной к идеям свободы и политического участия. Подобные взгляды нельзя поставить в один ряд с теоретическими конструкциями постмодернистов, но все же нельзя не видеть то общее, что их объединяет. И европейские критики культуры, и российские реформаторы объясняют политическое и социальное через культурное, находят причины неудач современного общества в воспроизводстве якобы исторически определенных

³ Об увлечении Л. Троцкого психоанализом см. в книге А. Эткина «Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах» [9, с. 244–282].

образцов поведения, консервирующих застарелые модели социальных отношений. В отличие от европейских критиков культуры, российские реформаторы исключают из модели влияния культурных образцов интересы господствующих классов, которые вынуждены якобы действовать по обстоятельствам, ориентируясь на те вводные, которые изначально заданы русской поведенческой традицией.

Повороты классовой теории: 18-е брюмера Луи Бонапарта

Постепенное превращение классической схемы марксистского анализа в критику культуры выглядит вполне логично в ситуации «разочарования»: марксизм с его претензией на видение далекой перспективы и анализ культуры, рассматриваемой как область бытования архетипов массового сознания и поведения, обладают качеством мультиколлинеарности. В длительной перспективе классовая схема вполне может рассматриваться как превращения культуры, диалектика принятия и отвержения господствующей системы ценностей. В короткой, обозримой перспективе обе схемы утрачивают свой «goodness-of-fit»: в объяснении политики приватизации и вывоза капитала ущербностью российской цивилизации, отстроенной по византийским образцам, содержится больше вопросов, чем ответов. Два вопроса, на которые приходится давать ответ сторонникам подобных подходов, могут звучать следующим образом: допустимо ли доискиваться каузальных связей между факторами, располагающимися *a priori* в длительной, тысячелетней перспективе, и явлениями, определяемыми текущей политикой и сегодняшним соотношением групповых интересов? А также: не являются ли общие схемы, культурные референции прикрытием для упомянутых групповых интересов, не служат ли они покровом тайны для истинных причин происходящего в экономике и обществе?

Сознавая несовместимость временных горизонтов общей марксистской схемы и текущей ситуации, Э. Райт предложил выстраивать социологический анализ социальной структуры по образцам, заданным в работе Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». «Восемнадцатое брюмера» стоит особняком в ряду других работ Маркса еще и потому, что в ней реализована принципиально иная, чем в других его работах, стратегия классового анализа. Отчасти необходимость изменения общих подходов возникла потому, что работа посвящена, выражаясь современным языком, одному конкретному кейсу — перевороту, в результате которого 2 декабря 1852 года Шарль Луи Бонапарт, президент Франции, объявил себя

императором. Именно поэтому в ней Маркс рассматривает класс, прежде всего, как действующего участника борьбы за власть, формирующего политические организации и политические программы.

Четыре пункта анализа, представленного в этой работе, обращают на себя внимание. Во-первых, класс рассматривается не как однородная социальная сущность, скрепляемая общими социальными интересами, а как гетерогенная общность «в себе», для которой характерны разные комбинации социальных интересов. Выясняется, что в конкретных ситуациях даже буржуазия может делиться на конфликтующие группы интересов, активно вовлекающие в свои политические игры внешние по отношению к ней политические силы: «Против финансовой аристократии “National” боролся, как и вся остальная буржуазная оппозиция. Полемика против бюджета, во Франции целиком совпадавшая с борьбой против финансовой аристократии, доставляла слишком дешевую популярность и слишком обильный материал для пуританских leading articles, чтобы ее не эксплуатировать. Промышленная буржуазия была благодарна “National” за его холопскую защиту французской покровительственной системы, — защиту, с которой он, впрочем, выступил больше из национальных, чем из политико-экономических побуждений, вся же буржуазия в целом была благодарна ему за его злостные наветы на коммунизм и социализм» [5, с. 130]. Буржуазия, которая в общей схеме противостоит пролетариату, в реальной ситуации политической борьбы может делиться на сторонников и противников режима, на тех, кто признает текущий политический курс выгодным для себя, и тех, кто его отвергает и во имя его изменения готов объединяться с другими политическими партиями, включая партии социал-демократической ориентации. Аналогичным образом рабочий класс может оказаться расколотым на разные фракции, характеризующиеся разным отношением к правящему режиму — от полного принятия существующей системы до активного ей противодействия. Динамика классовых отношений выглядит у Маркса как противоречивый процесс: «Победительницей [июньского восстания. — М.Ч.] осталась буржуазная республика. На ее стороне стояли финансовая аристократия, промышленная буржуазия, средние слои, мелкие буржуа, армия, организованный в мобильную гвардию люмпен-пролетариат, интеллигенция, попы и сельское население. Парижский пролетариат имел на своей стороне только самого себя. После победы над ним свыше трех тысяч повстанцев было убито, пятнадцать тысяч сослано без суда. Со времени этого поражения пролетариат отходит

на задний план революционной сцены. Он снова пытается пробиться вперед каждый раз, когда кажется, что в движении наступил новый подъем, но эти попытки становятся все слабее и приносят все более ничтожные результаты. Как только какой-нибудь из стоящих выше него общественных слоев приходит в революционное брожение, пролетариат вступает с ним в союз и таким образом разделяет все поражения, последовательно претерпеваемые различными партиями» [5, с. 126].

Во-вторых, новое прочтение получает идея Маркса о «классах в себе» и «классах для себя». В классической схеме «класс в себе» обретает политическое бытие в том случае, если превращается в «класс для себя», то есть тогда, когда формирует собственную политическую организацию, способную бороться за власть. В «Восемнадцатом брюмера» дихотомия «класса в себе» и «класса для себя» превращается в континуум, предполагающий не моментальное «просветление», а постепенное «пробуждение» к политической активности, при этом идейное наполнение процесса выглядит сложным и внутренне противоречивым. Отнюдь не всегда в сознании рабочих верх берут антибуржуазные идеи, направленные на сокрушение существующего социального порядка. Рабочие могут увлечь идеи умеренной, инкрементной эволюции социальных отношений, воплощенные, к примеру, в планах создания рабочих касс. Рабочие могут подпасть под влияние националистических идей и объединяться с некоторой частью буржуазии для вытеснения «чужаков», защиты отечественного производства и режима, ставящего превыше всего национальные интересы. Рабочие, полагает Маркс, безусловно заинтересованы в расширении демократии потому, что защитить себя от произвола правящего класса они могут только, опираясь на конституцию, апеллируя к избираемой власти. Однако в реальности позиции рабочих определяются не только степенью осознания ими необходимости радикальных преобразований, но и тем, что в неомарксизме стало именоваться «темной областью» классового сознания — идеями отторжения «чужого», очарованностью сильной властью, стоящей над классами и их идеологиями.

В-третьих, Маркс в «Восемнадцатом брюмера» с наглядностью демонстрирует возможности политического поля формировать спонтанные коалиции интересов и политические общности *ad hoc*, направленные на достижение конкретных политических целей. По сути, речь идет о различиях между классовой политикой, идеологичной по определению, и политикой социального интереса,

имеющей нередко надклассовую природу. Маркс отмечает, что накануне декабрьского переворота классы и социальные группы образовывали «летучие» политические коалиция, формируемые по принципу сходства политических интересов. Возникали временные социальные образования, «политические классы», заинтересованные в том, чтобы отстоять свои интересы в ситуации политического противостояния и торга: «На это заявление Учредительного национального собрания парижский пролетариат ответил июньским восстанием, этим грандиознейшим событием в истории европейских гражданских войн. Природа политических классов и действия государства находились в зависимости от суммы противоречий, накопленных обществом, и одновременно от сложившейся в стране политической традиции. Маркс подчеркивает, что французская политика существенно отличалась от американского потому, что в этих двух странах государство оказывалось в разных условиях и по-разному реагировало на экономические и социальные вызовы: «Поражение июньских повстанцев, правда, подготовило, расчистило почву, на которой могло быть возведено здание буржуазной республики, но в то же время оно показало, что в Европе дело идет не о споре на тему: “республика или монархия”, а о чем-то другом. Это поражение обнаружило, что *буржуазная республика* означает здесь неограниченное деспотическое господство одного класса над другими. Оно показало, что в странах старой цивилизации с развитым разделением на классы, с современными условиями производства и с духовным сознанием, в котором благодаря вековой работе растворились все унаследованные по традиции идеи, что в таких странах *республика* означает вообще только политическую форму революционного преобразования буржуазного общества, а не консервативную форму его существования, как, например, в Соединенных Штатах Северной Америки, где классы хотя уже существуют, но еще не отстоялись и в непрерывном движении постоянно обновляют свои составные части и передают их друг другу, где современные средства производства не только не сочетаются с хроническим перенаселением, а, наоборот, восполняют относительный недостаток в головах и руках и где, наконец, лихорадочное, полное юношеских сил движение материального производства, которое должно освоить новый мир, не дало ни времени, ни случая покончить со старым миром призраков» [5, с. 127].

В условиях, когда в обществе высок уровень социальной мобильности, когда экономика развивается, государство не успевает сложиться как инструмент политического господства, за контроль над которым борются коалиции политических сил — классы,

возникающие ad hoc. Политическая жизнь выходит за рамки борьбы за контроль над государством, а последнее получает шанс быть консервативным, то есть сохранять уравнилельные ценности и процедуры, которые были заложены его отцами-основателями. В стране, где традиционно сильны позиции бюрократии, именно она становится партией порядка и выступает за ограничения демократических процедур: «Но *материальный интерес* французской буржуазии теснейшим образом сплетается с сохранением этой обширной и широко разветвленной государственной машины. Сюда сбывает она свое излишнее население и пополняет в форме казенного жалования то, чего она не смогла заполучить в форме прибыли, процентов, ренты и гонораров» [5, с. 158].

Один из вариантов формирования политической общности воплощен, по мнению Маркса, в факте возникновения «Общества 10 декабря». Это пестрое объединение создавалось для того, чтобы стать опорой для Бонапарта, стремящегося обойти конституционные ограничения высшей власти: «Под видом создания благотворительного общества парижский люмпен-пролетариат был организован в тайные секции, каждой из которых руководили агенты Бонапарта, а во главе всего в целом стоял бонапартистский генерал. Рядом с промотавшимися кутилами сомнительного происхождения и с подозрительными средствами существования, рядом с авантюристами из развращенных подонков буржуазии в этом обществе встречались бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие — словом, вся неопределенная, разношерстная масса, которую обстоятельства бросают из стороны в сторону... Из этих родственных ему элементов Бонапарт образовал ядро Общества 10 декабря, “благотворительного общества”, поскольку все его члены, подобно Бонапарту, чувствовали потребность ублагоустроить себя за счет трудящейся массы нации» [5, с. 168].

Речь идет, по сути, о том, что позднее Макс Вебер, а вслед за ним и Ральф Дарендорф назовут апелляцией вождя к народу поверх существующих политических институтов [12, с. 58–59]. Вебер полагает, что выход харизматика из-под контроля может в некоторых обстоятельствах быть оправдан как средство противодействия засилью бюрократии. Маркс занимает более критичную позицию: преодоление Конституции вождем — это регресс политической системы, преддверие политических репрессий, призванных уничтожить политическую альтернативу. В истории XX века

второй вариант встречался чаще, чем первый и в некоторых странах, таких как Германия и Россия, последствия преодоления институциональных ограничений были поистине трагичными.

В рассуждениях Маркса содержится важное предположение о возможном влиянии государственной политики на процесс актуализации социальных интересов. Государство, берущее на себя роль арбитра в разрешении социальных конфликтов, реализующее политику равенства, снимает часть социальной ответственности с класса собственников и, соответственно, берет на себя немалую ответственность за состояние дел в экономике и обществе. В результате политика государства становится тем фактором, который способствует возникновению политических общностей, имеющих признаки класса. По мере того, как развивается социальный, государственный сектор экономики, влияние государства на процесс политической структуризации общества усиливается: большие группы специалистов — учителя, врачи, военные, мелкие чиновники — становятся классом (или классами), находящимся в зависимости от государства-работодателя. Государственная политика влияет на степень политического радикализма в этой части населения, масштабы и эффективность государственной социальной политики оказывают существенное влияние на ее отношение к социальному порядку, который, в свою очередь, имеет в основании работающие институты распределения. Чем более либеральной является политика властей, чем меньше объемы финансирования социальной сферы, тем выше уровень недовольства в рядах тех, кто ее обслуживает, и выше вероятность того, что ресентимент, накапливающийся в обществе, выльется либо в неявный бойкот государственной политики и ее целей, либо в открытый «площадной протест». Маркс справедливо подчеркивал, что политическая мобилизация данной группы затруднена свойственной ей индивидуализацией и территориальным рассредоточением. Специалисты, полагал Маркс, в большинстве случаев находятся на стороне класса собственников потому, что получают доходы выше средних и заинтересованы в сохранении своего привилегированного положения.

Однако в современной ситуации, когда основным работодателем служащих становится государство, у служащих появляется возможность влиять на политику государства через электоральный процесс. Играет свою роль и то, что в современном обществе служащие и специалисты являются весомой социальной группой, голоса которой могут определять исход свободных выборов. «Восстание клерков» становится реальной перспективой еще и потому,

что их труднее, чем менее просвещенные группы населения, вводить в заблуждение предвыборной риторикой, обещаниями, лишёнными реальной перспективы. Государство, в лице высших руководителей, чаще всего осознаёт опасность, исходящую из группы служащих, и делает шаги по ее предотвращению.

В большинстве европейских стран в отношении государственного сектора и социальных функций проводится политика осторожной либерализации, не ставящей под сомнение ядро государственной социальной политики. В России, где государственная поддержка социальных институтов воспроизводства — образования и здравоохранения — существенно ниже, чем в развитых странах, акцент делается на практиках медийной и электоральной манипуляции, а также управлении общественными настроениями с использованием возможностей системы образования. Реформы образования призваны ускорить процесс его дифференциации, сделать его высший, наиболее качественный уровень доступным, прежде всего, для выходцев из состоятельного слоя, лояльного по отношению к власти. Одновременно усиливается идеологическое давление на общество, проявляющееся в разных формах: «Буржуазия правильно поняла, что все виды оружия, выкованные ею против феодализма, обращались своим острием против нее самой, что все созданные ею средства просвещения восставали против ее собственной цивилизации, что все сотворенные ею боги отреклись от нее. Она поняла, что все так называемые гражданские свободы и органы прогресса посягали на ее классовое господство и угрожали ему как со стороны его социальной основы, так и со стороны его политической верхушки, следовательно, стали «социалистическими». В этой угрозе и в этом посягательстве она справедливо видела тайну социализма, оценивая его смысл и тенденцию вернее, чем оценивает сам себя так называемый социализм, который из-за этого не может понять, почему буржуазия упорно отворачивается от него...» [5, с. 160].

В-четвертых, в «Восемнадцатом брюмера» Маркс высказывает мысль о том, что на расклад политических сил внутри страны влияет не только степень политической мобилизации классов и слоев, но и внешнеполитический и внешнеэкономический контексты — стремление властей добиться расположения основных союзников и партнеров вне страны, возможность для рабочего класса или других социальных групп опереться на организованную поддержку единомышленников за рубежом. Н. Пулансас, один из современных адептов аналитического марксизма, полагал, что фактор внешнего влияния особенно заметен в европейских странах,

где местные элиты вынуждены действовать с оглядкой на США [15]. Фактор американского влияния невозможно вывести за рамки внутренней политики европейских стран потому, что США контролируют мировые финансовые потоки, сохраняют свое военное присутствие на европейском континенте и, что немаловажно, задают «правильные образцы» либеральной экономической политики. Внешнее влияние, включающее в себя влияние международных рынков, а также социокультурных образцов, может действовать как фактор, ослабляющий или усиливающий отдельные аспекты государственной экономической социальной политики, политики безопасности, и в этом качестве влиять на процессы производства и воспроизводства отношений неравенства.

Анализируя конкретный кейс переворота, приведшего к власти Луи Бонапарта, Маркс, разумеется, не предполагал, что многое из подмеченного им во французском обществе середины XIX века будет довольно точно описывать ситуацию, складывающуюся в обществах, совершающих переходы к рынку 150 лет спустя. Силовые линии противостояний между крупной и мелкой буржуазией, активным ядром пролетариата и люмпенами, желающими «сильной руки», авторитарной властью и сторонниками демократии с регулярностью воспроизводят и будут воспроизводить себя в обществах, не имеющих твердых демократических традиций, строящих рыночную экономику в отсутствии стабильных социальных институтов, способных очертить рамки возможного для правящего класса и различных коалиций, стремящихся противостоять его всевластию. Классовый анализ дает точную картину, но лишь до того момента, когда общество не перестает быть классовым, не выходит из той фазы нестабильности, которая в деталях охарактеризована Марксом в его работе.

Россия: возрождение или преодоление классового общества?

Возрождение классового общества — именно так называлась монография, вышедшая при участии автора этой статьи в 2002 г. в которой созданное в России классовое общество рассматривалось как современная и будущая проблема [16]. На тот момент характер изменений в российском обществе находился под вопросом. Не было полной ясности в том, как будут развиваться события, в каком направлении продолжатся рыночные реформы. В настоящее время сомнений не осталось, Россия — это классовое общество с высоким уровнем межгрупповой дифференциации во всех ключевых социальных измерениях — экономическом, политическом, культурном. Государство реализует неолиберальный экономический курс в интересах правящего класса — крупных собственников и

высшего слоя бюрократии. По такому показателю, как уровень доходного неравенства, российское общество приближается к наименее развитым странам Латинской Америки или Азии. Его характерной чертой является постепенное ослабление социальной политики, приводящее к систематическому недофинансированию ключевых социальных институтов воспроизводства — образования, здравоохранения, науки. На полноценное финансирование могут рассчитывать только российские силовые структуры, обеспечивающие российским элитам контроль над обществом. В результате по целой совокупности социальных показателей Россия находится во второй сотне государств мира на одном уровне со странами Африки или беднейшими странами Латинской Америки.

Несмотря на все усилия властей, социальная напряженность и уровень недовольства существующим положением в российском обществе не спадают. Как показывают исследования, классовые напряжения в условиях ангажированной и в то же время репрессивной политики действующей власти приводят к подъему протестных настроений в самых разных формах, на разных уровнях — демонстрациям несистемной оппозиции, конфликтам на бытовом уровне, распространению социального ретритизма в форме пьянства и наркомании. В современной России уровень межличностного доверия и доверия политическим институтам — один из самых низких среди стран европейского континента, а уровень межнациональной напряженности — один из самых высоких.

Классовый анализ состояния, в котором находится современное российское общество, позволяет сделать следующий вывод: выход из «классовой фазы» предполагает установление принципиально иных чем сейчас отношений между государством и обществом. Государство должно перестать быть одним лишь инструментом защиты для имущих классов, выступив в роли, более привычной для современных обществ, а именно роли социального арбитра, обеспечивающего и гарантирующего равенство возможностей для всех граждан общества. Здесь не обойтись без радикального преобразования институтов и практик распределения, отказа от фаворитизма в отношении правящего класса в пользу поддержки более широких слоев населения. Важным элементом подобных преобразований должна стать сильная социальная политика, которая не будет впредь сводиться к мерам тотальной экономии ради уменьшения нагрузки на крупный бизнес, а будет включать в себя полноценную поддержку витальных институтов общественного воспроизводства — здравоохранения, образования и науки.

Ключевой этап преодоления классового характера современного российского общества заключен в укреплении социальных институтов, а также их ориентации на эквализирующие практики, ограничивающие масштабы экономического, социального и политического неравенства. Важным элементом будущих преобразований должен стать отказ от псевдомарксистской риторики, отсылки к марксистской идее первоначального накопления как оправдания господствующих практик распределения. В современном мире накопленные несправедливыми способами капиталы не обязательно возвращаются в страну своего происхождения, гораздо чаще они собираются в стабильных экономиках, характеризующихся развитой институциональной системой и комфортными условиями проживания. Не имеющий конца отток капитала тормозит экономический рост, затрудняет обновление инфраструктуры, а в конечном итоге, консервирует общество в фазе классовых противостояний. Идея первоначального накопления была необходима Марксу для того, чтобы оправдать изъятие у буржуазии активов в результате революционного насилия. Однако в сегодняшнем мире революционные потрясения, сопровождаемые экспроприациями, выглядят как архаика и лишь нарушают естественную логику институционального развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гайдар Е.* Власть и собственность. СПб.: Норма, 2009.
2. *Здравомыслов А.Г.* Сравнительный анализ национальных социологических школ в их отношении к национальным культурам // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 179–202 [online]. Дата обращения 01.06.2012. URL: <<http://www.vestnik.isras.ru/article.html?id=42&jid=38&jj=7>>.
3. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
4. *Ленин В.И.* Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников») // Полное собрание сочинений. 4-е изд. Т. 29. М.: Госполитиздат, 1950.
5. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 8. М.: Политиздат, 1957.
6. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.
7. *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.
8. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.: Медиум, 1997.
9. *Эткинд А.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: НЛЮ, 2001.
10. *Boudon R.* Le juste et le vrai: Études sur l'objectivité des valeurs et de la connaissance. Paris: Fayard, 1995.
11. *Coleman J.* Equality of educational opportunity. Washington: U.S. Dept. of Health, Education, and Welfare, 1966.

12. *Dahrendorf R.* Modern social conflict. An essay on the politics of liberty. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1990.
13. *Davis K., Moore W.* Some principles of stratification // Class, status and power. Social stratification in comparative perspective / Ed. by R. Bendix and S. Lipset. New York: The Free Press, 1966.
14. *Eisenstadt S.* Comparative civilizations and multiple modernities. Leiden-Boston: Brill, 2003.
15. *Poulantzas N.* Political power and social classes. New York: Verso, 1978.
16. Restoration of a class society in Russia? / Ed. by J. Nikula. London: Ashgate, 2002.
17. *Shlypentokh V.* Contemporary Russia as feudal state: A new perspective on the post-soviet era. New York: Palgrave MacMillan, 2007.
18. *Shutz A., Parsons T.* The theory of social action / Ed. by R. Grathoff. Bloomington: Indiana University Press, 1976.
19. *Susen S., Turner B.* Preliminary reflections on the legacy of Pierre Bourdieu // The legacy of Pierre Bourdieu. Critical essays. New York: Anthem Press, 2011.
20. *Tumin M.* Some Principles of Stratification: A Critical Analysis // Class, status and power. Social stratification in comparative perspective / Ed. by R. Bendix and S. Lipset. New York: The Free Press, 1966.
21. *Wright E.O.* Classes. New York: Verso, 1985.